

Эстафета ПОКОЛЕНИЙ

Ученики и коллеги
в честь юбилея профессора
Зои Ивановны Кирнозе

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2024

УДК 82.0
ББК 83
Э 870

Редакционная коллегия:

В. Г. Зусман, К. Ю. Кашлявик, Е. А. Сакулина

Э870 Эстафета поколений. Ученики и коллеги в честь юбилея профессора Зои Ивановны Кирнозе / ред. колл.: В. Г. Зусман, К. Ю. Кашлявик, Е. А. Сакулина. — СПб.: Алетейя, 2024. — 532 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-837-5

В коллективной монографии в честь юбилея известного исследователя французской литературы профессора З. И. Кирнозе собраны статьи ее коллег и учеников, посвященные проблемам истории европейских литератур, компаративистики, лингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации. В центральный раздел книги вошли работы по истории французской литературы и культуры XVIII–XX вв.

Книга адресована студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных специальностей, интересующимся историей и теорией литературы и языка, теорией и практикой межкультурной коммуникации, поможет читателю-неспециалисту подробнее и шире узнать одну из богатейших европейских литератур — литературу Франции.

*Автор портрета З. И. Кирнозе на обложке —
художник С. Ю. Сорокин*

УДК 82.0
ББК 83

ISBN 978-5-00165-837-5

9 785001 658375

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2024

1. УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИКИ — КОЛЛЕГИ

В. Г. Зусман

«ЖИВОЕ БЫЛОЕ» З. И. КИРНОЗЕ: ЖИЗНЬ КАК ТВОРЧЕСТВО¹

Жизнь как творчество — одна из вечных особенностей всякой подлинной человеческой жизни. В высокой степени это характерно и для России. В по-прежнему актуальной статье 1991 г. «Русская культура в современном мире» Д. С. Лихачев пишет: «Литература в русских условиях всегда вторгалась в жизнь, а жизнь — в литературу, и это определяло характер русского реализма». Это переплетение литературы и жизни определяло, конечно, не только русский реализм, но и характеры людей. Пример — Зоя Кирнозе.

Зоя Ивановна Кирнозе родилась в Симферополе, в Крыму. Она на всю жизнь сохранила любовь к малой родине. Там она ходила в школу, нашла первых друзей, большинство из которых сохранила на всю жизнь. О детстве в Крыму и о дальнейшем течении взрослой жизни она рассказала в книге «Былое Живое».

«Былое Живое» — это «повесть о жизни», но только не писателя, каким был, скажем, К. Г. Паустовский, а филолога, историка литературы. Вероятно, для филолога совершенно типично идти от книжной мудрости к знанию жизни. Мемуары «Былое Живое», напроцвет — это прежде всего рассказ о любви к жизни, и только потом размышления о литературе.

Тема «Былое Живое» вызывает ассоциации с «Воспоминаниями старого москвича» Б. И. Пуришева и мемуарами Н. П. Михальской «Детство река...». Борис Иванович Пуришев и Нина Павловна Михальская — любимые учителя Зои Кирнозе, для которых всегда было важно то, что происходило сегодня, сейчас». Вместе с тем на фоне современности в этих воспоминаниях оживает и далекое прошлое. Мемуары Б. И. Пуришева и Н. П. Михальской построены на том, что в жизни можно «отталкиваться». Так, в «Воспоминаниях

¹ Впервые опубликовано в журнале «Литературное наследство».

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и поэтика. М., 1983. С. 227–284.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранные труды. М., 1995. С. 259–367.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском мифе» русской литературы // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 27–35.

Французские стихи в переводе русских поэтов XIX в. М., 1973. 624 с.

Cavill P., Ward H. The Christian Tradition in English Literature, plays and shorter prose. Mich., 2007. 512 p.

Fizaine J.-C. Balzac et l'image de la Russie // Balzac dans la Russie: de la Russie à l'Ukraine. (éd. Judith Meyer-Petit et Anne-Françoise Tassin). Paris, 1993. P. 35–51.

Krauss C. La Russie et les Russes dans la fiction française XIXe siècle. 1812–1917. D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam, 2007. 446 p.

Lavrov A. La première description française de la Sibérie (1741–1743) de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe–XIXe siècles). Paris, 2014. P. 15–24.

Neboit-Mombet J. L'image de la Russie dans le roman français XIXe siècle. 1900. Clermont-Ferrand, 2005. 510 p.

Tesson S. Dans les forêts de Sibérie. Paris, 2011. 304 p.

IV. Англоязычные литературы

М. В. Яценко

БИБЛЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЛЕГЕНДЕ

ПОЭТА КЭДМОНЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются библейские параллели легенды о поэте Кэдмоне. Текст этой легенды, включенный в «Церковную историю» Беде Досточтимого, содержит аллюзии на истории ветхозаветных пророков, а также на сцену Рождества Христова. Анализ показывает исторический контекст возникновения древнеанглийской поэзии. **Ключевые слова:** древнеанглийская поэзия, поэт Кэдмон, «Церковная история англов», библейские аллюзии.

Abstract. The article deals with the biblical parallels in the legend of the poet Caedmon. The text of this legend, presented in the “Ecclesiastical History of the English People” by Venerable Bede contains a lot of allusions to the stories of the Old Testament prophets as well as the scene of the Nativity of Christ. The analysis shows the historical context of the emergence of Old English poetry.

Keywords: Old English poetry, poet Caedmon, Ecclesiastical History of the English People, biblical allusions.

Легенда о Кэдмоне является одним из немногих известных источников существования древнеанглийской христианской поэзии. Это утверждение объясняется тем, что приписываемое Кэдмону поэтическое сочинение — «Гимн Кэдмона» — считается единственным из записанных поэтических текстов на древнеанглийском языке, сохранившийся он на полях рукописи самой Легенды, составленной Беде Досточтимым в 24 главе IV книги «Церковной истории англов» [Vaerde 1956]. Упоминание о том, что Кэд-

¹ См. также Яценко 2014.

² «Церковная история англов» была написана на латыни ок. 731 г., а записана на древнеанглийский в 871–879 гг. в ученом кружке при дворе короля Альфреда (по некоторым предположениям — самим королем). Это

мон после чудесного обретения поэтического дара переложил в поэтической форме много историй из Священного Писания, давая основание предполагать, что и сохранившаяся рукопись Кодекс Юниуса (Codex Junius XI), содержащая четыре развернутых поэтических переложения Библии («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»), также представляет собой запись сочинений Кэдмона. Современные исследования, однако, датируют историю Кэдмона концом VII века, а рукопись — приблизительно 1000 годом.

Очевидно, что можно говорить лишь о связи между Легендой о Кэдмоне и традицией сложения поэтических произведений на библейские темы. Саму же Легенду логично рассматривать лишь как важное свидетельство существования этой традиции, в которой разделились представления того времени об авторстве и поэтическом творчестве.

Исследования Легенды о Кэдмоне сосредоточены по преимуществу на поиске подтверждений реальности существования самого героя. Нам представляется более приемлемым другой подход, при котором легенда рассматривается как одна из форм самоназвания литературы [Смирницкая 2008: 324–345], то есть свидетельство об отношении англосаксов к поэтическому творчеству и приему поэтического дара. Ключ к пониманию этого текста кроется в поэтике и шире — в поэтике «Церковной истории» в целом. Церковной историографии с античных времен был направлен импульс, чтобы вписать историю народа в общемировую историю species. Обычно это означало поиск типологических параллелей событий истории того или иного народа в Библии [Hanning 1966].

Применительно к «Церковной истории» Беды Достопочтенные говорят, что «Прошлое англосаксов описывалось им как непрерывное движение к Богу, из вечности в вечность, в точности по аналогии с историей израильтян, избранного народа» [Зисманов 2014: 142]. Сама «Церковная история» в чем-то повторяет форму Книги Иисуса Навина [Gunn 2009: 144]. А потому, на наш взгляд, анализ текста невозможен без учета библейских параллелей и эстетических приемов, используемых ее автором в богословских сочинениях.

сочинение Беды длительное время сохраняло (и почти не утратило) свой авторитет как первая история английского народа.

[Gunn 2011: 3–26]. Беда как экзегет акцентировал внимание на значимости и первостепенности исторического смысла Писания. При этом он отмечал невозможность его понимания без учета смысла символического и таинственного, мистического. Именно поэтому сначала обратимся к анализу исторических фактов, изложенных в тексте, а затем перейдем к смыслам иносказательным.

Легенда повествует о человеке, который до зрелого возраста не умел слагать стихи и пристыженным однажды ушел с пирушки, только настала его очередь петь. Уйдя от своих сотрапезников, оказался в загоне для скота. Во сне ему является некто, называет его имя и просит спеть. Неожиданно для самого себя Кэдмон славит во славу христианского Бога, который он вспоминает и похваляет. На следующий день он отправляется в монастырь, где ученых мужей с восхищением слушает его сочинение и признает дар богодухновенным. После этого Кэдмон остается в монастыре и занимается там поэтическим творчеством под руководством опытных мужей.

Сложность трактовки рассказа о Кэдмоне проявляется уже в том, что невозможно пересказать, не добавляя каких-либо фактов. Автор словно бы постоянно опускает в повествовании ряд важных моментов. Мы ничего не узнаём о Кэдмоне, кроме самой истории обретения поэтического дара. Неизвестно 1) ни настоящего имени героя (по имени его называет только «некто» (лат. *quis* и англ. *sum mon*) в чудесном сне, 2) ни его происхождение, предшественников до чудесного призвания. Не менее загадочными являются и другие обстоятельства легенды: 3) какие песни пел Кэдмон пиру соотрапезниками Кэдмона; 4) почему Кэдмон уходил в загон (в древнеанглийской версии — пристыженным), когда не мог петь. Нельзя точно установить ни то, 5) кто были его сотрапезники, 6) ни отношение Кэдмона к христианству до чудесного сна. Единственным более или менее точным указанием, которое позволяет произвести относительную датировку событий легенды, является упоминание, что Кэдмон после призвания пришел и остался в монастыре той аббатисы». Учитывая, что выше в «Церковной истории» речь шла об аббатисе Хильде и известно время ее кончины (909 г.), исследователи датируют «чудо Кэдмона» не позднее 900 г. Но, как пишет автор классического издания «Церковной

истории» Ч. Пламмер, когда мы имеем дело с таким писателем, как Беда, указание на то, что Кэдмон появился в том или ином месте, не может рассматриваться как исторически точное [Plummer 1896: 348–400]. Фактически легенда о Кэдмоне представляет собой своеобразный текст «о том, не знаю о ком».

Обилие «темных мест» в биографии Кэдмона наводит на мысль о намеренном их использовании как особого приема построения текста, за которым кроется иносказание. Такая «темная биография» Кэдмона заставляет искать ключ к ее пониманию в текстах со сходными сюжетами.

Исследователи находили параллели образу Кэдмона в различных культурах [Lester 1974: 225–237; O'Donnell 2007: 29–30]. В частности, наибольшее количество совпадений у легенды с историей призвания пророка Магомеда [O'Donnell 2007: 34–38]. Учитывая вероятность знакомства самого Беда с историей мусульманского пророка [Beckett 2003], который мог быть старшим современником Кэдмона, мы можем предположить, что за счет этой аллюзии обозначал близость дара Кэдмона не только поэтическому дару и дару пророка, вождя, предводителя народа, проповедника религии. Даже если воспринимать сходство с пророком Магомедом как творческий и осознанный художественный прием, едва ли можно говорить, что он мог быть понятен многим современникам Беда.

При анализе библейских аллюзий нам представляется интересным не столько количество совпадений с тем или иным рассказом, сколько актуальная для англосаксов семантика конкретных библейских фигур и сюжетов. Среди библейских персонажей наиболее интересным можно считать аллюзию на пророка Моисея. К началу рассказа Кэдмон, как и библейский пророк к моменту призвания, уже достаточно зрелый человек (др.-англ. — *gelyfdre ylde*). В определенный момент Кэдмон вынужден уйти от людского общества. Моисей удаляется из Египта, поскольку убивает египтянина (Исх. 2: 12) [Книги Священного Писания... 2002] (аллегорически Египет и египтянин — символ греха) [Библейский комментарий... 2010: 97], Кэдмон же уходит, как объясняется в древнеанглийском переводе «от стыда» (др.-англ. — *for forscome*, другой вариант — *for scome*) с пирушки. Стыдится ли он того, что не может слагать песни, как остальные, или потому, что считает их пустым развлечением? Моисей удаляется в пустыню, а Кэдмон пасет там скот (Исх. 2: 15), Кэдмон уходит в то место, где он не

был в ту ночь стеречь скот (*ut wæs gongende to neata scipene, soð heord him wæs þære neahte beboden*) [The Old English version of Exodus, 1997: 342].

Аллюзии на образ пророка Моисея в легенде о Кэдмоне соседствуют с аллюзиями новозаветными. Среди них описание момента чудесного призвания. Кэдмон видит чудесный сон в загоне для скота. Иисус же Господь является в образе Неопалимой Купины (Исх. 3: 1–17) — видение двух сцен весьма условное. Неопалимая Купина понижена отцами Церкви как прообраз Девы Марии и первое видимое явление Бога [Библейский комментарий... 2010: 11–21]. Главным эпизодом Боговоплощения — Рождеством Христовым ассоциируется и упоминаемый в древнеанглийской легенде образ скота [Orton 1983: 163–170].

Кэдмон обладает и чисто христианской добродетелью — смирением. На пиру он не может исполнить ни одной песни. Когда к нему подходит арфа и он понимает, что должен спеть песнь, вероятнее всего, бессмысленного, пустого содержания, то он поднимается и уходит. Но при этом он не отказывается от своей очереди пасти скот. Этот род занятий Кэдмона (а в ночь призвания он должен был пасти скот) в средневековой литературе имеет чаще всего евангельские ассоциации [Ненарокова 2012: 295–318]. Кэдмон в легенде начинается пастухом, то есть это его занятие могло быть случайным, а не постоянным. Беда говорит лишь, что Кэдмон должен был пасти скот (др.-англ. — *ad stabula* — *stabilum*), тогда как древнеанглийский переводчик просто говорит о скоте (др.-англ. — *heord*). Причем это именование скота употреблено в древнеанглийском и по отношению к людям, «словесно», то есть «в уме». Таким образом, упоминание занятий Кэдмона призвано не столько рассказать о реальных фактах его биографии, сколько спровоцировать читателя на восприятие его как пастыря. Кэдмона начинать пастухом весьма условно, в том числе потому, что пастух стережет скот, а ложится спать. Вероятно, упоминание этого занятия использовано для привлечения внимания и должно было заставить читателя задуматься о *плохом* пастухе Кэдмоне, который становится в результате *хорошим* пастырем.

«Пустоты» Кэдмона также пронизана новозаветными аллюзиями. Причем они вскрывают особый прием «психологическое исследование» при помощи библейских аллюзий. Уходя с пирушки,

Кэдмон, очевидно, задумывался о собственном месте в этом мире, где он не может делать того, что кажется простым всем окружающим. Описание поведения героя перед чудесным сном подано так: «*ƿa he ða ƿær in gelimplice tide his leomu on reste gesette ond onslæp*». Досл.: «Тогда он там в должное время свои члены для отдыха расположил и заснул». Упоминание членов тела (лат. — *membra*; англ. — *leomu*) напоминает сравнение человека с членом Церкви (лат. — *membra*), которое находим у ап. Павла: «Дары различны, а Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — Так и Христос» (1 Кор. 12: 4–12). Когда Кэдмон ложится в загоне для скота, он смиренно подчиняется заведенному порядку и исполняет свои обязанности в качестве пастуха. Очевидна и другая сторона этой аллюзии: после чудесного сна Кэдмон понимает свое более высокое предназначение и следует ему (Ср.: «Но каждому дается проявление Духа по мере. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12: 7–10)). Предназначение это — проповедь Слова Божия при помощи стихов на родном языке — оказывается значительно более важным, чем его мирские занятия.

Так, ветхозаветные аллюзии в легенде органично сосуществуют с аллюзиями новозаветными. Причем ветхозаветные параллели относятся к жизни Кэдмона до чудесного призвания. Сцена призыва божественности дара Кэдмона содержит аллюзии на обе традиции: Кэдмон, слагающий стихи на библейские темы перед книжником, сравнивается с чистым животным, жующим жвачку (он «*cheweth*» и пережевал его, как чистое животное, жующее жвачку» (лат. — *quasi mundum animal ruminando*)), а сама сцена описана по аналогии с евангельской историей младенца Иисуса, поучающего книжников. В древнеанглийском переводе «Церковной истории» читаем: «*leod wæron swa wynsumu to gehyranne, þætte seolfan ƿa his licostre his muðe wreton ond leornodon*» [The Old English version of Bede's... 1997: 346] — «его песни были таким приятными на слух, что и его учителя у его уст писали и учились / учили их». В этом фрагменте

ветхозаветная аллюзия (Лк. 2: 46–47) очевидна, поскольку здесь упоминается наименование учителей, которое встречаем и в древнеанглийском переводе Евангелия — *lareowas* [The Old English version of the Gospels 2003]. Возможность появления такой сцены объясняется тем, что в глазах книжников песни Кэдмона были не поведением, а воссозданием событий Священной истории, потому что слушают их у самых уст Кэдмона, так же как слушал Моисей у уст Аарон, а Иисуса — книжники. Типологическая параллель между Моисеем и Иисусом здесь усиливает смысл аллюзии.

Фигура Моисея, видимо, играла особую роль для Беда, поскольку упоминает его имя только в двух эпизодах, которые связаны историей установления праздника Пасхи (гл. 25 III книги и гл. 15 IV книги) — центральном для самого Беда моменте «Церковной истории», где он подчеркивает, что закон, установленный Моисеем, не может быть понят христианином буквально и требует определенной корректировки. В древнеанглийском же переводе «Церковной истории» мы встречаем упоминание имени ветхозаветного пророка в легенде о Кэдмоне: «*Song he ærest be middangeardes gesceape be human moncynnnes and eal þæt stær Genesis, þæt is seo æreste boc; on deft bi utgonge Israhela folces of Ægypta londe ond bi ðæs fæces gehatlandes; ond bi oðrum monegum spellum þæs halgan be ðæs canones boca...*» [The Old English version of Bede's... 1997: 346] — «Пел он вначале о сотворении мира и начале человеческого рода и о всей той истории Бытия, которая заключена в первом законе Моисея; а затем об исходе израильского народа из Египта и о возвращении в Землю обетованную; и о многих других исторических канонических книг Святого Писания». В латинской версии Беда лишь излагает круг тем, на которые пел Кэдмон, тогда как в древнеанглийский переводчик упоминает, что это были книги, написанные Моисеем.

Важно, что переплетение ветхозаветных и новозаветных параллелей в легенде о Кэдмоне призвано подчеркнуть и тесную связь между христианскими традициями, сосуществовавших на Британских островах, и противостояние между которыми подробно описывается в «Церковной истории». Это старая кельтская традиция, восходящая к апостольским временам, и новая — римская. Сам Беда был известным агнографом. При создании житий святых (в частности,

житий Феликса, Кутберта и др.) он ориентировался на две житийные традиции, известные на Британских островах: кельтскую, где преимущество отдавалось чудесным событиям в жизни святого (она называемая аретология), и римскую, где подробно описывалась предыстория героя и внимание акцентировалось на его праведной жизни (агиобиография) [Ненарокова 2003: 87–91]. Нарративный анализ Легенды о Кэдмоне показывает, что две эти традиции были некоем соединены Бедой при создании легенды о Кэдмоне, которая (в отличие от Беда и не относит Кэдмона к лику святых) по своим особенностям более всего напоминает житие святого или пророка [Shepherd 1999: 113–122]. Первая часть рассказа Беда сходна с житием кельтской традиции: мы ничего не узнаем о предыстории героя, подробно описывается лишь момент чудесного призвания.

После чудесного призвания Кэдмон описывается уже в традициях римской житийной литературы: он представлен как человек ведущий праведную жизнь, который знал о дне и часе собственной смерти и приготовился к ней, как и подобает христианину, принявшему Святое Причастие. Использование в первой части легенды кельтской традиции, а во второй — римской традиции жизнеописания святого позволяет провести аналогию между кельтской (старой) церковной традицией и Ветхим Заветом и римской (новой) традицией и Новым Заветом.

Противоречия между ними, которые заключались главным образом в разных взглядах на принципы исчисления времени Писания, в монастырское устройство, были подробно изложены Бедой в «Истории церковной истории», но они оказываются нивелированы в легенде о Кэдмоне. Кэдмон (само имя которого по одной из версий кельтского происхождения) [Wallace-Hadrill 1999: 166] оказывается житием в монастыре римского типа. Причем дар его признается кельтскими современными целым советом ученых мужей. Во время чудесного призвания поет песнь на сюжет (о Сотворении мира), который не имеет никаких противоречивых толкований в двух традициях.

Таким образом, поэтика Легенды о Кэдмоне в изложении Беда и древнеанглийского переводчика раскрывает явную ориентацию на библейский источник, что неудивительно для средневековой литературы. Но сам принцип использования аллюзий на римские события позволяет понять особенности отношения кельтского творчеству и его использования для проповеди христианства.

Постепенный переход от аллюзий ветхозаветных к новозаветным создает совершенно особый образ поэта, который соотносится с пророком и Мессией. Новозаветные аллюзии развивают и образ поэта в устах Церкви, который творит под воздействием Святого Духа, поэтому может восприниматься не как простой сочинитель развлекательных песен, но как своего рода соавтор Священной истории, от которого могут учиться его учителя-книжники. Кэдмон не просто воспроизводит текст библейских книг, но творил его, подобно римским пророкам, в частности Моисею. Соотнесение Кэдмона с Иисусом и Христом создает контекст, необходимый для признания ценности его дара. Не менее существенны при этом и вероятные историко-исторические смыслы данных аллюзий: связь фигуры Кэдмона с кельтской христианской традицией, где проповедь в форме народная поэзия была широко распространена.

Литература

- Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–II столетий. Ветхий Завет. Т. III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Перев. с англ., греч., лат., сир.; под ред. Д. Т. Линдхарда / Подготовка под ред. Н. А. Кульковой, С. С. Козина. Тверь: Герменевика, 2010.
- Будина В. В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя, 2008.
- Ветхий Завет. Писание Ветхого и Нового Завета (в русском переводе с параллельными местами и приложениями). М.: Российское философское общество, 2002. 1296 с.
- Будина В. В. Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Будина В. В. Каролингская эклога: теория и история жанра. М.: ИИЯ РАН, 2012.
- Будина В. В., Шенников О. А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Брандана. Шенников О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: ОЦ Пресс, 2008.
- Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // Baedae. Opera. Vol. 1. 1–2 / ed. C. Plummer. Oxford: Oxf. Univ. Press, 1896. 1–100. Pp. 1–100. Vol. 1.

Beckett S. K. Anglo-Saxon perceptions of the Islamic world. *Cambridge studies in Anglo-Saxon England*, 33 / ed. S. Keynes, M. Lapidge. Cambridge: Cam. Univ. Press, 2003. 276 p.

Gunn V. Bede's *Historiae*. Genre, Rhetoric, and the Construction of Anglo-Saxon Church History. Woodbridge: Boydell Press, 2009. P. 111–121.

Hanning R. W. The vision of History in Early Britain. From Gildas to Geoffrey of Monmouth. New York, London: Columbia Univ. Press, 1999. 271 p.

Lester G. A. The *Cædmon* story and its analogues // *Neophilologus*. 1974. Vol. 58. No. 2. April. P. 225–237.

O'Donnell D. P. *Cædmon's Hymn*, a multimedia study, archival edition. Cambridge: SEENET, 2007. P. 29–46.

Orsbon D. Bede's Sacred Order: Schemes and Tropes in the *Historia Ecclesiastica*: Part 1 // *American Benedictine Review*. 2011. Vol. 61. No. 1 (March). P. 3–26.

Orton P. R. Caedmon and Christian Poetry // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1983. Vol. 84. P. 163–170.

Plummer Ch. Notes on the Ecclesiastical History // *Baedae Opera Historica* / ed. Ch. Plummer in 2 Vols. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1896. P. 348–400.

Shepherd G. The Prophetic *Cædmon*. // *The Review of English Studies*. Vol. V. No. 18. January 1954. P. 113–122.

The Old English version of Bede's *Ecclesiastical History of the English People* / ed. with translation and introd. By Th. Miller. Early English Text Society. Or. Ser. No. 95–96. 2 Pts. Pt. 2, Oxford: Oxford Univ. Press, [Repr.], 1997. 228 p.

The Old English version of the Gospels. Vol. 1. Text and introduction. / ed. by R. M. Liuzza. Early English Text Society N. 304. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994 [Repr. 2003]. 369 p.

Wallace-Hadrill J. M. Bede's *Ecclesiastical History of the English People*. A Historical Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1990. 600 p.

И. О. Шайтанов

МОТИВ ЛЮБОВНОЙ КЛЯТВЫ В «БЕСПЛОДНЫХ УСИЛИЯХ ЛЮБВИ». ЖАНРОВАЯ ПРАГМАТИКА ШЕКСПИРОВСКОЙ КОМЕДИИ¹

Аннотация: Под жанровой прагматикой автор понимает сочетание всех тех условий, определяющих непосредственную ориентацию слова в окружающей действительности (Бахтин/Медведев). Прагматика шекспировской комедии в значительной мере определяется тем, что произведения этого жанра изначально бывали заказаны для постановки в частном доме или при дворе. Их остроумие должно было представлять собой непосредственную речевую реакцию на обстоятельства, известные аудитории как интригующие. Это был отклик короткой выдержки, теряющий ориентацию пределами данного пространства и времени. Или зависящий в своем смысле от академического комментария, когда возникает потребность в обращении, подобная той, что пережила в XX веке комедия «Бесплодные усилия любви», восстановленная в своей антипетраркистской направленности новыми аргументами для которой предложены в данной статье.

Ключевые слова: прагматика, Шекспир, жанр, комедия, клятва, хвала, Чичаррский, петраркизм/антипетраркизм, Овидий.

Abstract: By genre pragmatics the author understands the combination of all those conditions that determine “the immediate orientation of the word in the surrounding reality” (Bakhtin/Medvedev). Pragmatics of Shakespearean comedy depends on the fact that most of his plays in this genre initially must have been commissioned for the performance in a private house, or at the court. Their wit, at least, in one of its functions had to represent an immediate reaction to circumstances known and intriguing to the audience. This was a short-living response, either lost beyond this particular place and time, or dependent on the comment in the academic editions. But the audience completely unaware

¹ Публикация статьи: *Шайтанов И. О.* Жанровая прагматика шекспировской комедии. Бесплодные усилия любви // *ШАГИ / Steps*. 2022. Т. 8. № 1. С. 101–110.